

Франко-русский/франко-советский контекст международных отношений XIX–XX вв.

В. Н. Земцов

РОССИЯ В ПЛАНАХ НАПОЛЕОНА: К ИСТОРИИ ФРАНКО-РУССКОГО АЛЬЯНСА XIX ВЕКА

Статья посвящена дискуссионному вопросу причин кризиса и краха франко-русского союза 1807–1812 гг. Обратившись к ключевым вопросам 200-летней дискуссии, в особенности к роли континентальной системы в ухудшении отношений между двумя странами, автор поднимает проблему наличия или отсутствия у Наполеона далеко идущих стратегических расчетов в отношении России. Сопоставляя данные ряда документов, выявленных в архивах в последние годы, с реальными действиями французского императора на Востоке Европы в 1812 г., автор приходит к выводу о том, что действия Наполеона в отношении России определялись исключительно прагматическими мотивами, и многое зависело от реально складывавшихся обстоятельств. Любой исход событий 1812 г. (или 1812–1813 гг.) применительно к перспективам (или их отсутствию) возрождения франко-русского альянса был вероятен.

Ключевые слова: франко-русский союз 1807–1812 гг.; Наполеон; континентальная система; «польский вопрос».

Истории формирования и разрушения франко-русского союза 1807–1812 гг. посвящена обширная литература. За два столетия обсуждения этой темы исследователи смогли высказать не только общие суждения на этот счет, но и реконструировать, казалось бы, в деталях все перипетии происходивших тогда событий. Между тем, ряд документов, обнаруженных в последние годы и ряд публикаций, обративших на себя внимание, заставляют вновь обратиться к этой проблематике. В центре обсуждений объективно оказывается вопрос о месте России в планах Наполеона, что, в конечном итоге, не может не заставить вновь вернуться к причинам разрушения франко-русского союза начала XIX в.

Одной из ключевых работ, увидевших свет чуть более года назад, и приковавшей к себе внимание научного сообщества, стало фундаментальное исследование известного историка А. Микаберидзе «Наполеоновские войны: глобальная история» [20]. А. Микаберидзе убежден, что уже со времени провала экспедиции генерала Ш. Леклерка на о. Гаити и продажи Луизианы, а потом и трафальгарской катастрофы, Наполеон вынужден был отказаться от своих амбиций в отношении заморских территорий и сосредоточиться на делах европейского континента. Это, в свою очередь, с неизбежностью должно было привести его к ожесточенной борьбе с двумя державами, находящимися на своего рода европейской периферии — Англией и Россией, в совокупности обладавшими большими ресурсами, нежели Франция или даже «французская Европа».

Между тем, очевидно, что ключевым противником для наполеоновской Франции оставалась Британия, но не Россия. С последней Парижу не раз удавалось находить точки соприкосновения, и создание долгосрочного, стратегического союза с Петербургом казалось делом вполне возможным и даже предпочтительным. Однако отказ петербургского двора от заключения династического брака с французским императором заставил Наполеона реализовать «запасной вариант» тесных союзнических отношений с третьей по значению континентальной державой — Австрией.

Причины такого поворота событий большинство историков склонно искать в воздействии последствий континентальной блокады на русскую экономику. Этот вопрос имеет длительную историю. Применительно к зарубежной традиции он выглядит следующим образом. Имеются хорошо фундированные труды, в которых утвердился как тезис о ключевой роли последствий континентальной блокады в развязывании войны 1812 года [см. например: 15; 14], так и признание ее только одним из факторов, предопределивших разрыв русско-французского союза [см. например: 18].

С конца XX в. зарубежные авторы все большее внимание стали уделять воздействию системы Наполеона на внутриконтинентальные аспекты — социальные, экономические, политические и культурные сдвиги в Германских государствах, Австрии, Франции и др. [см. например: 16]. Применительно к русско-французской

войне 1812 г. особенно интересны публикации американского автора М. Б. Кросби-Арнольда [8], который считает, что целью вторжения Наполеона в Россию стало не просто стремление добиться полномасштабного возвращения Петербурга в континентальную систему, но захват торгового рынка, который им контролировался, включая выходы на азиатские регионы.

В целом, в зарубежной историографии уже достаточно давно преобладает взвешенный подход к решению этого вопроса, при котором роль экономических факторов отнюдь не умаляется, но и не абсолютизируется. Преобладает стремление отказаться от общих схем и углубить понимание различных внутренних аспектов проблемы.

Что касается отечественной традиции данной проблемы, то вплоть до начала XX в. преобладающей была идея ключевой роли континентальной блокады в ухудшении финансово-экономического положения России в период 1807–1812 гг. Только в 1900 г. вышла фундаментальная работа М. И. Туган-Барановского «Русская фабрика», в которой автор отметил положительное влияние континентальной системы на русскую экономику. В 1911 г. Ю. Карцов и К. Военский, а затем В. И. Пичета [7; 9] поставили этот тезис под сомнение, не только указав на безудержную эмиссию бумажных денег в условиях нескончаемых войн России в конце XVIII — начале XIX вв.¹ как на главную причину финансового кризиса, но и на позитивные последствия континентальной системы для отдельных регионов и отраслей российской экономики.

Важный вклад в обсуждение проблемы внесла работа Е. В. Тарле «Континентальная блокада» [12], материал которой в дальнейшем, к сожалению, интерпретировался (в том числе и самим автором) достаточно односторонне. Эта односторонность наиболее последовательно оказалась представлена А. В. Предтеченским в его статье 1931 г., где отмечались исключительно негативные для России последствия континентальной системы. Однако в середине 1960-х гг. столь односторонняя версия вновь была поставлена под сомнение работой М. Ф. Злотникова [6]², в которой более отчетли-

---

¹ В сущности, этот момент был обозначен еще в 80-е гг. XIX в. [См.: 2].

² К сожалению, 2-й том этого исследования так и не увидел свет.

во, чем у авторов начала XX в., был показан противоречивый характер влияния системы на финансово-экономическое положение России. В дальнейшем, к концу XX — началу XXI вв. именно труд Злотникова стал той основой, которая позволяет современным отечественным авторам (А. А. Орлову, Н. Н. Трошину, Г. В. Носовой, В. М. Безотосному, С. Н. Искюлю, А. А. Подмазо и др.) пытаться выявлять и конкретизировать различные стороны воздействия континентальной системы на Россию.

Под этим углом зрения, то есть противоречивости воздействия континентальной блокады на российские (но также и на французские) реалии следует рассматривать и представления Наполеона о месте России в его европейской системе.

На сегодняшний день преобладает точка зрения, согласно которой Наполеон рассматривал Россию исключительно через призму глобальной геополитической задачи вытеснения ее из европейского политического и даже цивилизационного пространства. Это мнение был склонен разделять и автор данной публикации. Так, в одной из наших работ [5] мы ссылаемся на документ, обнаруженный нами в фондах Дипломатического архива Франции. Министр внешних сношений Франции Ю. Б. Маре, герцог Бассано, в обширной записке, помеченной 21 июня 1812 г., сформулировал на основе предложенных ему Наполеоном принципов внешнеполитические задачи. Записка Маре начиналась с того, что предлагала обзор длительных усилий Франции, направленных на установление прочного мира в Европе. После военных поражений России в 1805–1807 гг. и подписания Тильзитского договора появились контуры континентальной системы в форме Европейской федерации. Однако Россия, которая стала к 1807 г. частью этой континентальной системы, последовательно начала отходить от ее принципов по целому ряду направлений, в том числе по отношению к великому герцогству Варшавскому, Пруссии, проблеме Греции, режиму заморской торговли. В конечном итоге, Россия оказалась в фарватере английской политики и стала превращаться в главного континентального противника Франции. Записка подробно освещала, неизменно указывая на неконструктивные, а то и злонамеренные действия Санкт-Петербурга, как, начиная с середины 1811 г., в негативном

ключе происходило развитие французско-российских отношений. Бассано особо останавливался на миролюбивой позиции Франции, предложившей к апрелю 1812 г. возобновление контактов с Англией. Но и этот демарш остался без ответа со стороны России. Более того, русский посол потребовал паспорта для выезда из Франции. Подходя к завершению, Бассано отметил, что в настоящее время «победоносные армии Вашего в-ва выполняют миссию возвращения России к миру». Если же, отмечал он, не восстановить «фундаментальные основы Тильзита», Россия пойдет на мир с Англией и начнет беспредельное расширение своей экспансии по миру, прежде всего, в направлении Турции, Греции, великого герцогства Варшавского. Все это, считал Маре, вызывает необходимость создания против России барьера в Европе и приходил к выводу о неизбежности объявления против нее войны [Archives du Ministère des affaires étrangères Série «Correspondance politique». Sous-série «Russie». Vol. 154. F. 462–492]. В течение 1812 г. Наполеон неоднократно использовал фрагменты этой записки в своих посланиях.

В свое время в Российском государственном архиве древних актов нами был выявлен еще один документ, работающий на эту версию. Он был обнаружен русскими войсками в 1813 г. в бумагах поверенного в делах Франции в Берлине г-на Лефедюра, и идеи его вполне сопрягались с другой документацией. Документ определял рамки планируемой Наполеоном новой европейской конфигурации. В нем говорилось, что Наполеон собирался стать главой Европейской континентальной конфедерации, которая, в свою очередь, должна была функционировать на основе признания полной свободы и независимости во всех сферах (административной, военной и коммерческой) оставшихся за ее пределами стран, а именно шведской, датской и турецкой монархий и республиканских США. Предполагалось достижение универсальности для всех стран коммерческих отношений на суше и на море, а также признания всех захватов, сделанных как Францией, так и Великобританией после 1809 г. Для достижения компромисса на этой основе со странами, не входящими в Европейскую конфедерацию, предусматривалась широкая система компенсаций. Реализация этих положений, при военном доминировании Франции, по мысли составителя до-

кумента, должна была привести к росту коммерции, процветанию и ликвидации войн. О России в этой системе документ умалчивал [Российский государственный архив древних актов. Ф. 30. Оп. 1. Д. 268. Л. 41–55]³.

Мнение о том, что Россия, по замыслам Наполеона, должны была быть вытеснена из европейской системы, нередко воспринималась и воспринимается как некое общее место, как очевидность. Вот что писал знаменитый А. Жомини, как бы излагая мысли самого Наполеона: «Всякий мог ясно видеть, что Россия была слишком сильна, чтобы войти в новую, преобразованную систему Европы, стержнем которой была Франция». «Мне должно было вытеснить Россию из Европы, чтобы она не нарушала единства моей системы, и дать этому новому политическому разделению довольно сильные границы, чтобы противостоять могуществу российской державы» [4]. Более того, борьба с Россией и русскими зачастую подавалась и подается как важнейший фактор сплочения остальных народов континента. «...Я поведу за собой всю Европу», — сказал Наполеон известному деятелю Первой империи Ж. Фуше перед походом в Россию [17]. «...Я шел на Россию во главе остальной Европы, — говорил он на о. Св. Елены. — Начало было популярным, дело было европейским. Это было последнее усилие, которое оставалось сделать Франции... Россия была последним ресурсом Англии. Всеобщий мир был в России, и успех предприятия был несомненен» [19].

С каких пор мог формироваться подобный вариант планов Наполеона в отношении России? Скорее всего, после отказа русского двора вступить в родственные отношения с французским императором. Принципиальное же решение о войне с Россией Наполеон принимает весной 1810 г. Исследователи не раз обращали внимание на доклад министра иностранных дел Ж.Б.Н. Шампаньи от 16 марта 1810 г., в котором он по поручению императора проанализировал динамику развития французо-российских отношений и общеевропейской ситуации [10]. По мнению Н. К. Шильдера, эта записка была перехвачена с другими бумагами в 1812 г. и была доставлена Александру I в Петербург еще до его отъезда в декабре

---

³ Текст этого проекта был послан начальником секретной части архива МИД России П. Г. Дивовым А. А. Аракчееву 18 мая (ст.ст.) 1813 г.

1812 г. в Вильно [13]. Однако Шильдер был, по-видимому, не прав. В. Г. Сироткин на основе переписки К. В. Нессельроде и М. М. Сперанского пришел к выводу, что еще в апреле 1810 г. Нессельроде через Ш. М. Талейрана приобрел копию доклада Шампаньи и переправил ее в Россию с послом в Испании Г. А. Строгановым [11].

Несмотря на то, что этот документ никогда не публиковался во Франции, а наши собственные попытки обнаружить его в центральных французских архивохранилищах не дали результата, мы с большой долей вероятности считаем его подлинным. В любом случае, письмо Наполеона к Ф.Ж.Г. Кларку, герцогу Фельтрскому, военному министру, от 6 октября 1810 г., полностью опубликованное только в новом издании корреспонденции Наполеона в 2014 г., ясно свидетельствует, что к тому времени подготовка к войне с Россией уже шла полным ходом, и закончить эту подготовку французский император планировал к марту 1812 г. [22]⁴

И все же ясность и стройность картины всех этих антироссийских планов Наполеона не может не вызывать определенных сомнений. Эти сомнения возникают, когда исследователь начинает анализировать планы французского императора в отношении Восточных и Юго-Восточных окраин Российской империи, в особенности «польского вопроса». На счет этих планов имеется обширнейшая литература. Наиболее интересны работы Д. Наврота, А. Неуважного и В. Ададунова [23; 24; 1]. При этом многие десятилетия обсуждение проблемы вращалось вокруг деятельности Ильи Борщака, его книги «Наполеон и Украина» [3]. Только относительно недавно Ф. Бокуру и В. Ададунову удалось выяснить ключевой вопрос — кто же был автором ряда меморандумов, подготовленных для высшего французского руководства — А.М. д’Отрив, ключевая фигура в МИДе (так заявлял Борщак), либо польский генерал М. Сокольниковский. Этим человеком оказался Сокольниковский, и время подготовки документов — декабрь 1811 г. Наполеон, ознакомившись с одним из меморандумов Сокольниковского, сделал его начальником военной разведки. Если до этого Наполеон, как можно предположить, мог рассматривать Россию как свою возможную союзницу

---

⁴ Наполеон — Кларку. Фонтенбло, 6 октября 1810 г.

против Англии, то Сокольницкий видел Россию максимально ослабленной. Французский император стал склоняться в 1811 г. именно к последнему варианту. Проект Сокольницкого — это фактически возрождение Речи Посполитой в границах 1772 г. Согласно ему, рядом с Россией должен был создан ряд герцогств, находящихся под польским протекторатом — Ливонское, Полоцкое, Смоленское, Мстиславское, Черниговское, Полтавское. Затем — некое государство Наполеонида, включавшее «казачьи орды» запорожцев и крымских татар. Таким образом, создавался бы мощный заслон против российской экспансии на длительную перспективу.

Помимо меморандумов Сокольницкого были и иные многочисленные и более ранние проекты подобного рода, авторами которых были, прежде всего, поляки — Тадеуш Морский, Анджей Гордынский, Петр Стржижевский и многие другие.

В любом случае, очевидно, что, несмотря на факт существования подобных проектов, Наполеон отнесся к идеям такого рода достаточно настороженно. Более того, он, подогревая энтузиазм польской шляхты, фактически использовал ее для давления на русского императора с целью сделать его более уступчивым в плане готовности пойти на заключение нового «Тильзита».

Итак, имеющиеся на сегодняшний день материалы (как документальные свидетельства, так и результаты исторических исследований и историографических споров) формируют достаточно противоречивую картину намерений Наполеона в отношении России. Стремился ли Наполеон к долговременному стратегическому сотрудничеству с Александром I, или же его победа над русской армией в 1812 г. (или 1812–1813 гг.) должна была завершиться превращением России в третьестепенную державу, отгороженную от Европы заслоном лимитрофных образований — однозначно сказать на сегодняшний день невозможно. С уверенностью можно только утверждать, что действия Наполеона в отношении России определялись исключительно прагматическими мотивами, и многое зависело от реально складывавшихся обстоятельств. Любой исход событий 1812 г. (или 1812–1813 гг.) применительно к перспективам (или их отсутствию) возрождения франко-русского альянса был вероятен.

Список литературы

1. Ададуров В. «Наполеонида» на Сході Європи: Уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних окраїн Російської імперії на початку XIX століття. Львів, 2007. 560 с.
2. Блюх И. Финансы России XIX столетия. СПб.: Общественная польза, 1882. Т. 1. 344 с.
3. Борщак І. Наполеон і Україна. З невідомих документів із тогочасними ілюстраціями. Львів: Діло, 1937. 127 с.
4. Жомини А. Политическая и военная жизнь Наполеона. Изд. 3-е. СПб.: тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1844. Ч. 2. 515 с.
5. Земцов В. Н. Наполеон в России: социокультурная история войны и оккупации. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 431 с.
6. Злотников М. Ф. Континентальная блокада и Россия. Л.: Наука, 1966. 360 с.
7. Карцов Ю., Военский К. Причины войны 1812 года. СПб.: тип. А. Ф. Штольценбурга, 1911. 115 с.
8. Кросби-Арнольд М. Б. Была ли война 1812 года связана с экономикой? // Французский ежегодник. 2013. М., 2013. С. 33–60.
9. Пичета В. И. Причины отечественной войны. Исторический очерк. М.: «Польза» В. Антик и К°, 1912. 80 с.
10. Секретный доклад, представленный Наполеону министром иностранных дел. Париж, 4 (16) марта 1810 г. // Русская старина. 1897. Кн. 3. С. 421–455.
11. Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий. М.: Наука, 1966. 208 с.
12. Тарле Е. В. Континентальная блокада. М., 1913.
13. Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб.: А. С. Суворин, 1897. Т. 3. 569 с.
14. Crouzet F. L'économie britannique et le blocus continental. Paris: Presses Universitaires de France, 1958. Т. 1–2.
15. Dunan M. Napoléon et l'Allemagne. 1806–1810. Paris: Plon-Nourrit, 1949. 763 p.
16. Ellis G. Napoleon's Continental Blockade: The Case of Alsace. Oxford: Oxford University Press, 1981. 348 p.
17. Fouché J. Mémoires. Paris: Le Rouge, 1824. Т. 2. 315 p.
18. Heckscher E. The Continental System. An Economic Interpretation. Oxford, 1922. 420 p.
19. Las Cases A.-E.-D.-M. Mémorial de Sainte-Hélène, ou Journal ou se trouve consigné, jour par jour ce qu'a dit et fait Napoléon, durant dix-huit mois. Paris, 1823. Т. 1. 485 p.

20. Mikaberidze A. *The Napoleonic Wars: A Global History*. Oxford: Oxford University Press, 2020. 960 p.
21. Nesselrode K. R. *Lettres et papier. 1760–1850*. Paris: Lahure, 1909. T. 3.
22. Napoléon Bonaparte. *Correspondance générale*. Paris: Fayard, 2014. T. 10. № 24816. P. 743–748.
23. Nawrot D. *Litwa I Napoleon w 1812 roku*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2008. 762 s.
24. Nieuważny A. *My z Napoleonem*. Wrocław: Wydawnictwo Dolnośląskie, 1999. 305 p.

Zemtsov Vladimir Nikolaevich,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural State Pedagogical University, Head of the Department of General History and Methods of Teaching Historical Disciplines; Saratov State University, Chief Researcher; Ural Federal University, Professor

**RUSSIA IN NAPOLEON'S PLANS: ON THE HISTORY
OF THE FRANCO-RUSSIAN ALLIANCE OF THE XIX CENTURY**

The article is devoted to the debatable issue of the causes of the crisis and collapse of the Franco-Russian Union of 1807–1812. Turning to the key issues of the 200-year-old discussion, especially the role of the continental system in the deterioration of relations between the two countries, the author raises the problem of whether or not Napoleon had far-reaching strategic calculations with regard to Russia. Comparing the data of a number of documents revealed in the archives in recent years with the real actions of the French emperor in Eastern Europe in 1812, the author comes to the conclusion that Napoleon's actions against Russia were determined solely by pragmatic motives, and much depended on the actual circumstances. Any outcome of the events of 1812 (or 1812–1813) in relation to the prospects (or lack thereof) of the revival of the Franco-Russian alliance was likely.

Keywords: Franco-Russian Union of 1807–1812, Napoleon, continental system, “Polish question”.